

Встреча с интересным
человеком

ТАИНСТВЕННЫЙ ФАКИР

ДВЕРЬ мне открыл высокий и стройный седой человек. Несмотря на свои 105 лет, он выглядел бодрым и энергичным.

Я поздоровался и заговорил по-азербайджански.

— Рад услышать сладкий язык родины, — ответил он мне.

Это был знаменитый артист цирка, факир и маг Димитрий Иванович Лонго, имя которого в пору расцвета было широко известно не только в России, но и в Иране, Индии, Турции, Ираке, Сирии, Египте, США, Канаде...

Димитриус Лонго, как гласят на многих языках пожелтевшие от времени афиши, развешанные на стенах скромной квартиры в Останкино, — загадочный факир, дервиш и шпиглотатель, чародей и волшебник, бесстрашный повелитель змей и единственный в мире дрессировщик тараканов, выпиватель чаши раскаленного железа, бесстрашно ложившийся на гвозди... Все эти сенсационные номера Димитрий Иванович демонстрировал зрителям с 80-х годов прошлого, девятнадцатого века и до 1940-х нынешнего.

Будущий маг родился в далекой окраине России — в пограничной с Ираном Джулфе. Здесь он жил до семи лет, выучил, играя с соседскими ребятишками, азербайджанский язык, которым, как выяснилось, он отлично владеет и поныне. В 1878 году маленького Митю привезли в Москву, к дяде, известному антиквару.

— Как вы стали факиром?

— Одинадцатилетним мальчиком я убежал из дома к индейцам и пиратам, но добежал до известного в те времена московского Хитрова рынка. На рынке мной заинтересовался пожилой итальянец Огюст Лионелли — артист на все ру-

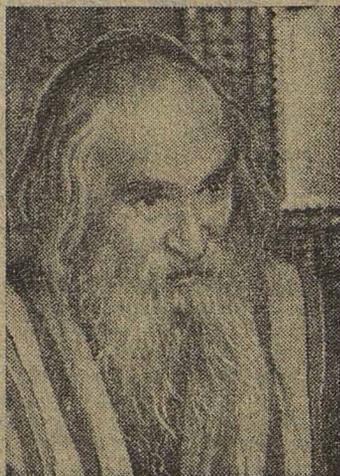
ки. После его университетов я через год-другой стал выступать сам.

...На арене большие жестяные печи-жаровни. В них раздувают уголь и высыпают его на противень. Лонго снимает башмаки и медленно босыми ногами идет по раскаленным углям. Затем он взбирается вверх по лестнице, ступеньками которой служат отточенные турецкие сабли, направленные остриями вверх.

Под звуки восточной мелодии факир вливает в стеклянную реторту пузырьки «волшебной» жидкости. Жадно взираются взгляды зрителей в освещенный прожекторами сосуд — и внезапно появившийся человеческий эмбрион, который затем на глазах у всех вырастает до размеров годовалого ребенка. Взмахом пшавги Димитриус разбивает реторту и вынимает оттуда улыбающегося малыша...

— Каким образом еще мальчишкой вы попали в Константинополь?

— На пароходе, в угольном бункере. Расставшись с Лионелли, я все рвался по странствовать. Чуть с голоду там не помер! Но подобрал меня один лавочник — поразился моему знанию языка — и привел в медресе дервишей. Там я год обучался танцам дервишей, их фокусам. И на пароходе же, в бункере вернулся домой. Работал в разных балаганах, бродяжничал с цирком... Чуть по старше стал — в 1883 году сколотили мы группу: великан Иван Вакулин, лилипут Джоафини Крон и я, факир и дервиш. Позже я добыл себе крокодила и вставлял руки в его пасть, целовался с анакондами, а вот этот Арра, мой спутник и со товарищи на всех представлениях, — он показвал на клетку в которой нахохлившись сидел крупный попугай, — вещал по-французски и даже исполнял романсы... По земле побродить пришлось. В Дели по сей день мой портрет висит в ассоциации индийских магов. Был знаком с Эдисоном, во-

сточными блюдами его угощал... Встречался с Львом Толстым, Мечниковым, Чеховым, Куриным, Рениным, Горьким, Маяковским, Шалашиным, Есениным. Все они живо интересовались моими фокусами.

— А главное ваше чудо?

— Главное? Пожалуй, дрессировка тараканов. Даже знаменитый Дуров любопытствовал насчет секретов их дрессуры. Они у меня качались на миниатюрных казелях, по сигналу устремлялись на стулья за столики обедать — из тарелки! Прodelьвали множество не менее удивительных вещей.

— Выступали ли вы на родине — в Азербайджане?

— И не раз. Наезжал даже в Джулфу...

...Не в силах артисту оставаться без дела: еще чуткие руки справляются с тонкой работой. Весь свой век он честно посвятил тому, чтобы люди, видя его искусство, удивлялись, улыбались и молодели.

К. МАДАТОВ.

(Наш соб. корр.)

МОСКВА.